

Писатель **ЧЕРЧЕСОВ:**
"Я — опасный вулкан"

Мак-Комсомолец — 2001
Читатр. — С. 8

ЭКСКЛЮЗИВ

Имя романиста ассоциируется с волшебной лампой Аладдина. Автор эпического романа "Венок на могилу ветра" получил премию имени Аполлона Григорьева, учрежденную Академией российской современной словесности (АРС'С), но не Большую — в 25 тысяч \$, а Малую — 2,5 тысячи \$. Писатель воспринял это сообщение с редким достоинством. Изначально было ясно, что за русский роман кавказцу главную премию не отдадут. Осетин Алан Черчесов и без наградных богат.

КЛАД

АЛАНА

04.04.01.

Алан, откуда у вас, у осетина, такое чутье русского языка, не бытового, расхожего, а глубинного, с множеством оттенков и красок? Такой язык лишь с молоком матери можно впитать.

— Вот именно. Я пил его с молоком моей мамы, Ольги Суворовой. Судя по ее характеру, она потомок великого Александра Васильевича. Мой отец, Георгий Черчесов, был одним из самых известных писателей в Северной Осетии, хотя писал на русском. В сущности, любовь к слову привил мне он. Свою прекрасную библиотеку отец собирал всю жизнь.

Ваши горские предки были родовиты?

— Осетия, а в древности ее называли Аланией, — некое уникальное демократическое общество. Но, как точно заметил наш национальный герой Дзарахохов, путешественник, побывавший в Маньчжурии, Америке, Мексике, на Аляске: "Сядешь на коня — и ты уже князь". Известный кинорежиссер Юрий Чулюкин снял о нем фильм "Жизнь, ставшая легендой" по сценарию моего отца. Я могу гордиться: мой прапрадед участвовал в русско-турецкой войне, воевал на Шилке, привез домой награды — именное оружие. Шашка, к сожалению, утрачена. Именные пистолеты мой дед попортил — решив пострелять, не рассчитав, сколько пороха положить. Перестарался, за что долго себя казнил. Мой прадед был образованнейшим человеком. Может быть, эти задатки интеллигентности и рафинировались в нашем роду. Моему отцу после окончания факультета журналистики МГУ предлагали остаться в аспирантуре, к тому же он печатался в "Труде" и в "Советском спорте". Но отец предпочел вернуться в Осетию, чтобы сделать все для возвращения своих родителей во Владикавказ из Краснодарского края, куда загнала их война.

Отец привез жену из Москвы?

— Мама родилась в Ярославле в 40-м году. Отец ее погуб на фронте в 42-м. Второй раз Ольгина мама вышла замуж за осетина и оказалась во Владикавказе. Папа, вернувшись из МГУ во Владикавказ, пришел в райком комсомола и с первого взгляда влюбился в девушку в отделе учета. И уже никому ее не уступил. Роман длился почти три года, поскольку на день знакомства Ольге было всего 17. Отец уже имел опыт и ухаживанияй, и влюбленности, но он готовился создать семью.

Кто вы по образованию?

— Я закончил Северо-Осетинский университет. Занимался со студенческой скамьи зарубежной словесностью, что во многом определило мои пристрастия и вкусы.

Судя по вашему роману, вы раблезианец.

— Очень люблю Рабле. Жизнеутверждающий дух, которым пронизаны у него не только сюжет, а вся атмосфера — это то самое, чего нам не хватает в сегодняшнем нашем бытии. В своих сочинениях я пытаюсь пробиться к свету. В самые святые минуты нашей жизни свет просыпается в душе каждого и не гаснет.

Вы не боитесь, что эти ваши слова назовут возвышенной риторикой?

— Скажу проще. Я за то, чтобы нам всегда удавалось преодолеть скуку и унылость действительности. В романе я старался преобразить ее исходя из моих представлений о гармонии — собственной гармонии с миром, гармонии с историей, с другими людьми.

Иные литераторы весьма преуспели в развлекательном жанре. Вас веселят эти вещи?

— Сегодня многие пытаются подхихикивать по любому поводу. Вечное ерничанье набило оскомину. Можно смеяться, читая Чехова, Гоголя, — веселиться и подниматься над собой. А то, что творится сегодня в массовой литературе, — это не просто вторично, это изначально некая измена вкусу к жизни. Не понимаю, почему пишущий человек может позволять себе долго и нудно унижать литературу. Она становится чем-то игрушечным. Любое искусство — игра, но не род забавы.

Сергей Чупринин привел мнение иных критиков, считающих, что ваш роман трудно читать. Этого мнения не разделяю.

— Я тоже слышал от профессионалов: "Ты замечательную прозу написал, но читать это трудно". А простые люди уверяют меня, что за день проглотили роман.

Не верьте им. Целую неделю — днем на транспорте и вечером с переходом в ночь я читала ваш роман и не могла пропустить не то что строку — слово. Меня захватил ритм, отточность текста, где даже медометия — как вздох, как звук, оберегающий смысловой ритмический строй вещи, особенно в последней части романа.

— Признаюсь, я чувствовал себя в плену ритма. Как кандалы, как некая удавка, ритм охранно висел на мне. Не уйти! Не вырваться! Я вначале испугался этой зависимости от ритма, а потом смирился: может, так душа велела. Подчиниться ему — стало и наслаждением, и величайшей мукой. Иногда бывало ощущение, что пишется кровью. Он будто вел меня за руку. Когда я закончил четвертую часть, то понял: я счастлив неимоверно. Она соединила все сюжетные линии и была для меня такой вкусной, словно ее написал кто-то другой.

Алан, на мой взгляд, ваше отношение к герою проявляется ярче всего в любовных сценах. Свои душевные тайны персонажи открывают до дыры в минуты, часы страстных соитий. Скажите здесь собственный чувственный опыт автора? (Алан засмеялся не без смущения). Ну вот. Я вас развеселила.

— Еще бы! Меня в родной Осетии спрашивали: "А ты не боишься реакции старшего поколения?" Я отвечаю спокойно: почитайте наш собственный нарский эпос — он насквозь эротичен. Ханжам, которые будто бы испытывали отвращение при чтении откровенных любовных страниц, могу сказать: видимо, они сами испытывали такое отвращение, когда делали собственных детей. Для меня эротика — один из главных элементов литературы и определитель класса самого писателя. Молодое поколение это понимает. Старшее — морщится, едва об этом заходит речь...

Алан, не уходите от моего прямого вопроса о собственном опыте.

— Для писателя собственный чувственный опыт — неоценимая вещь. Моя любимая преподавательница, благодарная которой я в свое время рискнул заниматься американской литературой, женщина в возрасте, после чтения моего романа позвонила моей жене и сказала, что она страшно рада за нее и завидует ей в этом плане. Жена смутилась, но потом рассказывала мне об этом весело и радостно. Не скромничая, могу признаться — эротические эпизоды в романе получились настоящими. Есть у меня одна подруга, она занимается австрийской литературой, а в последние годы увлеклась проблемами, выходящими из феминизма. Она исследует роль женщины в обществе и то, что ей мешает на пути органического самочувствия. Я всегда над ней подшучивал. Прочитав мой роман "Венок на могилу ветра", она сказала мне, что замечала в эротических сценах, как я пытаюсь схватить себя за руку и приостановиться, зайдя в лабиринт интимных отношений. "Но, слава богу, — сказала она, — ты выбрал свободу и двинулся дальше".

У вас юный персонаж, колченогий мальчишка, очень рано почувствовал сигналы пресыщающейся плоти. Как рано пробудился ваш собственный зов?

38-летний автор вновь хохочет, потому что об этом его еще никто не спрашивал.

— Слава богу, со мной происходило не так болезненно, как у того мальчишки. Годам к 6-7 у меня появилась сильнейшая тяга к женскому полу. В первом классе меня отвели к директору. Еще бы — сидел и целовался с девочкой за одной партией. Я страшно удивился, что целоваться на уроке нельзя. Не понимал, почему должен себя сдерживать, если мне девочка нравится. В четыре года у меня было четыре невесты: в нашем дворе, во дворах моих бабушек и в детском саду. Всегда чувствовал себя влюбленным. А вот на факультете невест в нашем университете, где было всего лишь несколько мальчишек, старался, как и все приятели, казаться умудренным опытом и не подавал виду, что кто-то мне нравится. Но робость исчезла очень быстро. Появился совершенно легкий и очень заманчивое состояние — быть другом.

У вас юный персонаж, колченогий мальчишка, очень рано почувствовал сигналы пресыщающейся плоти. Как рано пробудился ваш собственный зов?

— Впервые, со страданиями, влюбился в десятом классе. Это продолжалось до второго курса. Потом я сменил объект страсти, и это продлилось еще год. Потом долго во влюблялся, пока не встретил свою Цветану. Она болгарка. Будучи аспирантом МГУ, я жил в доме аспиранта и стажера — есть такое общежитие в МГУ. Она вошла к подружке и начала разговор с ней. А когда увидела меня, то густо покраснела. И эта ее реакция отозвалась во мне. Три года мы встречались. Я заканчивал аспирантуру, она — университет. Дело шло к опасному рубежу. Скоро разведемся и никогда

больше не увидим друг друга. И я тайно подготовил документы и сделал предложение Цветане. Естественно, родители мои были в шоке. Мама спросила на всякий случай: "А как вы будете делить детей? Неужели здесь мало девушек хороших?" Я маму успокоил: Цветана единственная, от кого я хотел бы иметь ребенка.

Поженились мы в 88-м. Через год родилось очень нежное создание — Кристина. Рожала Цветана в Пловдиве. Мальчика она родила тоже в Болгарии. Когда я позвонил туда, чтобы посоветоваться, какое ему дать имя, отец Цветаны меня сначала напугал: "А зачем вы бирать имя? У него уже есть". Я обиделся: "Без моего согласия!" Но услышав "Георгий", очень обрадовался. Значит, в честь моего отца. Он еще был тогда жив. Мама тут же растаяла. Я по натуре вспыльчивый, эмоциональный. Цветана всегда сглаживает углы, и я постепенно остываю, перестаю быть опасным вулканом. С мамой они лучшие подруги. В спорах мама и жена вместе против меня.

У вас общий дом?

— Наши квартиры на одной площадке. Очень удобно. Бегаем в течение дня туда-сюда раз по пятьдесят. Кристина уже нучет у бабушки, Георгия около себя еле придерживаем.

Любопытно, чем вы подстегиваете свое, как сказали бы зануды, разнузданное воображение, чтобы изобразить сцену сексуальной мести?

— Мне посчастливилось избежать подобного состояния в собственном чувственном опыте. В моем тексте — это не плод большого воображения, а житейский случай из судьбы моих персонажей. Их жизненное ощущение диктовало эту сексуальную мечь. Есть, на мой взгляд, простенькое правило: сюжет надо делать неожиданным. Причем не произвольно оснащать его экстремом, а рассказывать о том неожиданном, что по логике могло быть с персонажами в этом месте, в этот миг. Если происшедшее шокирует читателя, удивляет его — это и есть качество настоящего сюжета.

Вам, очевидно, знакомо состояние любовного соперничества, что в античной литературе метафорически именовалось "борьба Венеры"?

— Любовное соперничество придает остроту этому акту. Без него влюбленные почти никогда не обходятся. Если обходятся, то это пресно и скучно. И не по-настоящему.

Спрошу и про соперничество житейское.

— С интересом наблюдаю за этим в жизни. Вот одна история. Ближайший мой друг одно время встречался с девушкой, которую страстно любил. Характеры у них не сахар. Ругались с регулярностью невероятной: каждые два часа, а затем часов пять уходило у них на примирение. И все-таки почему-то были уверены, что они поженятся. И вдруг приятель мне доверительно сообщил, что хочет с девушкой расстаться. За годы их бурного романа мы привыкли ко всему, и я предложил ему выпить за разрыв. Пошли с ним к третьему приятелю, а тот за бутылкой выдал новость: девушка выходит замуж. Друг мой виду не подал, а на следующий день сбегает ко мне, рот до ушей: "У нас с ней свадьба!" Не уступил свою любовь сопернику!

Своему персонажу Алану вы что-то передали от себя?

— Передал ему самое сокровенное. В характере и облике отца героя я почерпнул сходство с моим папой. Роман я посвятил своему отцу. Он успел познакомиться только с первым моим романом — "Реквием по живущему". Отец умер у меня на руках, и в этот миг я понял: теперь мне в жизни ничего не страшно. Ушел самый дорогой мне человек, близкий духовно, его судьба я руководствовался и в жизни, и в строгом отношении к собственному сочинительству. Он был теплым, уникальным, даже святым человеком — мне об этом не раз говорили люди...

Почему в романе действуют две пары близнецов?

— Зеркальность — одна из тем литературы XX столетия. Назову хотя бы Набокова с его проблемой идентификации себя, идентификации своего пути, собственного выбора, предназначения. К тому же это сюжетно очень выигрышно. Всю жизнь я пытаюсь понять загадку природы, создавшей близнецов.

И все-таки почему вы своему Алану, одному из близнецов, отказали в праве на счастье? Меня взяла за сердце встреча Марии с безнадежно больным Аланом. Она, вполне счастливая с другим, пришла к больному и сказала: "Обещай мне, что ты выживешь. Ты спас меня, когда я умираю".

— Тут вот в чем дело. Алан до этого прихода был убежден, что мужчина готов пожертвовать ради любимой женщины даже жизнью, но он никогда не подчинит свою жизнь женщине. Ему не дано. Но после прихода Марии для него наступает прозрение: если любишь, иди до конца. Не навреди любимой, даже если она теперь с другим. Только в этот миг почти небытия он осознал простую истину: его преждевременная смерть навредила бы счастью Марии. Мне важна идея свободы. Какая же это свобода, когда ты раб собственного "хочу"?

Было очень интересно определить природу зла. Зло все время пытается отыскать какое-то местечко, чтобы пустить корни. Мне очень важен символический план романа. Я стремился наполнить своих героев символикой. Если образ хорош, он почти всегда дотягивает до символа. Мои персонажи — все бунтари. Каждый бунтует по-своему.

У вас одна героиня не бунтарь — жена Хамцы. Вы решили ее оставить без имени, на уровне символа, чтобы потом подарить Хамцы любовь юной девушки?

— Эта девочка, чье имя в переводе "солнце", рождена злом, рождена от зла. Но сколько зло ни тужит, свет благословляет новую жизнь и надежду на то, что не может вечно длиться воспроизводство зла.

Природа всеобедна. У Алана Черчесова для его отчаявшегося героя припасена надежда: "А может, это только начало? Может, я еще себе пригожусь?"

Вам повезло в любви. О чем мечтают осетины при выборе жены?

— Они очень хорошо знают об уроке, который преподала мудрейшая женщина Шатана, героиня эпоса, своему мужу. Чем-то жена прогневил мужа, и он так обозлился, что приказал ей убираться из его дома: "Можешь забрать с собой любые сокровища". Мудрая жена устроила пышные семидневные проводы. От еды и питья утомился муж и заснул. А проснувшись, увидел себя в повозке рядом с женой: "Куда мы едем?" — закричал он. "Ты забыл, что прогнал меня?" — "Это я помню. Но зачем меня везешь и где твои сокровища?" — "Нет у меня сокровищ дороже тебя, вот я и везу тебя с собой: все остальное мне и даром не нужно". Разумеется, они помирились. Главная мечта осетинских мужчин — стать для своей жены единственным сокровищем на все времена.

Верите ли вы в любовь с первого взгляда?

— Сошлюсь на древний анекдот. Ученики спросили Сократа, не знает ли он верного средства от любви с первого взгляда. "Знаю, — ответил философ, — надо внимательно посмотреть второй раз". По-моему, здоровый цинизм мудреца.

Наталья ДАРДЫКИНА.